

А.Т.ТВАРДОВСКИЙ
ЗДЕСЬ НЕМЦЫ БЫЛИ

Ушли в хлеба траншеи, ходы
И ржавых проволок ряды.
И отстоялись в реках воды,
И завязь выдали сады.
И на земле — житьё людское,
И дым жилой по гребням хат,
Что бабьей рублены рукою...
Здесь немцы были год назад.

Дымится крошево щебёнки,
Торчит стена с пустым окном.
И от воронки до воронки —
Трава, сожжённая живьём.
Железной гари едкий запах,
Горелых трупов древний чад.
В пыли, в багровых дымах запад...
Здесь немцы были год назад.

Столбом стоит разрывов осыпь,
На запад улица в огне.
И ткани за город уносят
«Ура» пехоты на броне.
Листва на ветках не объяла,
Что мимолётом ссёк снаряд.
Ещё для жизни сроку мало:
Здесь немцы были час назад.

Пройдётся плуг по их могилам,
Накроет память их пластом.
И будет мир отрадным тылом
Войны, потушенной огнём.
И, указав на земли эти
Внучатам нынешних ребят,
Учитель в школе скажет: — Дети,
Здесь немцы были век назад.

КРАСНИКОВ Геннадий Николаевич —

поэт, член Союза писателей России, доцент Литературного института имени А.М.Горького, лауреат многих литературных премий
totoshechka@mail.ru

«БЕЗУМНО СТРАШНО ЗА РОССИЮ» ЮЛИЯ ДРУНИНА

Аннотация. В статье представлен жизненный и творческий путь замечательного поэта, защитницы Отечества, красивой и мужественной женщины Юлии Друниной, разделившей судьбу своего поколения и запечатлевшей его в своих стихах.

Ключевые слова: незаурядная биография, военная юность, любовь к Родине, испытание духа, честность, прямота, вера в незыблемые ценности, крушение её страны, предательство идеалов, ясность языка, взвешенность каждого слова.

Abstract. The article presents the life and career of a remarkable poet and defender of the Motherland, a beautiful and courageous Julia Drunina who shared the fate of her generation and reflected it in her poems.

Key words: outstanding biography, military youth, love for the Motherland, test of spirit, honesty, integrity, unshakable beliefs in the value, the collapse of the country, betrayal of ideals, the clarity of language, balance of each word.

При воспоминании о Юлии Владимировне Друниной первое, что крупно и рельефно выступает из памяти, — это её характер. Характер, иногда как будто бы даже превышающий человеческие силы. Помнится, Друниной было уже за шестьдесят, но в ней сохранилась волевая подтянутость, собранность и стройность. А более всего чувствовалась энергия решительности, готовности к немедленному действию, поступку, что вообще свойственно фронтовому поколению, принадлежностью к которому она дорожила свято и чисто. Как сказано в её афористически лаконичном стихотворении: «Точка отсчёта — солдатская дружба». В этом была честная прямота (а порой и непримиримая прямолинейность!) человека, твёрдо верящего в незыблемые ценности. Я бы сказал — прямота достоинства, которого, увы, так не хватает нынешней эпохе тотальной униженности. О чём Друнина со всею нелюбимостью и жёсткостью говорила всегда, но особенно в последние годы жизни. Вот уж действительно о ком из женщин мож-

но сказать — поэт, но никак не поэтесса, звучащее чересчур жеманно и томно для неё, предъявляющей к жизни, к себе самой суровые до чрезмерности требования:

Ну, чего теперь суетиться?
Это в наши-то, брат, года?..
Бродит рядышком Смерть-убийца,
Рядом с ней не беда — беда.

Ну, ославили, пригрозили...
Оттолкнули от пирога...
У тебя же остались крылья! —
Должен броситься на врага.

Как ты можешь ТЕПЕРЬ страшиться,
Как ты можешь ТЕПЕРЬ не сметь,
Глядя в наглые эти лица,
Если рядом союзник — Смерть?..
«Сверстнику»

Надо быть поэтом (и большим!), чтобы не устрашиться собственных слов, назвав «союзником» — Смерть. Кажется, после пуш-

кинского «Есть упоение в бою и смерти страшной на краю...» мы впервые встречаемся с такой сильной в своей парадоксальной жутковатости формулировкой, с античным в своём роде по стоической непреклонности оксюмороном. Только человек, прошедший войну, знающий цену жизни и смерти, мог поставить себя перед таким бескомпромиссным выбором в отстаивании нравственных ценностей.

Творчество Юлии Друниной можно без преувеличения назвать поэзией человеческого достоинства. Это тот редкий случай, когда поэт пишет, как живёт, и живёт, как пишет (по старинному и верному замечанию Михаила Пришвина о том, что поведение писателя и есть основа его творчества). В её стихах нет зазора между автором и лирическим героем, между лирическим признанием и реальной жизнью. И тогда стихи становятся поступком. Перечитаем знаменитое классическое, навсегда вписанное в русскую поэзию, словно на медали отчеканенное, четверостишие Ю. Друниной:

Я только раз видала рукопашный.
Раз — наяву. И сотни раз — во сне...
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Здесь всё — правда, всё — о себе, никаких мистификаций и художественных вымыслов. Даже дата под стихотворением — 1943 год — есть факт не только биографии, но и поэзии.

Друнина, думается мне, всегда знала, чего хотела. При всей романтичности своего характера, так естественно совпавшего с чистотой помыслов её ровесников, она, кажется, почти не совершала необдуманных шагов. Её порыв непременно соотносился с точным осознанием конечной цели. Но, приняв решение, она уже не отступала. Так, московская школьница, выросшая в интеллигентной учительской семье, она отрунула все уговоры (и слёзы) родителей и ушла в 1942 году из десятого класса на фронт. Ушла в самое драматическое время, в самое пекло войны, в самый беспокойный род войск — в пехоту. «Подстриженная под мальчишку, была похожа я на всех», — вспомнит она через годы. А сейчас ей предстояло пройти огненные вёрсты батальонным санинструктором, санинструктором в самоходном полку... Ей предстоят два тяжёлых ранения. В первый раз осколок прошёл в двух миллиметрах от сонной артерии. Ещё бы миг, и всё могло закончиться фанерной звездой над затерявшимся на полях сражений обелиском. Но после санбатов эта тоненькая девочка с глазами кинозвезды, так похожая на Любовь Орлову, вновь ушла добровольцем на фронт. И следом за нею идут будущие её стихи:

...Школьным вечером,
Хмурым летом,
Бросив книги и карандаш,
Встала девочка с парты этой
И шагнула в сырой блиндаж.

Через много лет в одном из лучших своих стихотворений о любви «Два вечера» Друнина, быть может, напишет именно об этих днях, когда уже из мирного времени услышит от дорогого человека:

...Я тебя
Представить не могу
В стоптанных солдатских сапогах... —

и припомнит другой вечер, другую обстановку:

...Миномёты били,
Падал снег.
И сказал мне тихо
Дорогой,
На тебя похожий человек:
— Вот лежим и мёрзнем на снегу,
Будто и не жили в городах...
Я тебя представить не могу
В туфлях на высоких каблуках...

М.И. Самсонов. Сестрица. 1954

Удивительно, что в стихах Друниной нет никакого пафоса, театрального героизма. Только и вырвется у неё однажды в известном стихотворении памяти Героя Советского Союза Зинаиды Семёновой: «Знаешь, Зинка, я против грусти...» И это тоже верный признак, что в них правда. Неслучайно, когда снимался фильм «А зори здесь тихие», молодые актрисы, чтобы почувствовать камертон искренности, правдивости и чтобы достоверней войти в образ своих героинь — девочек-солдат, читали со слезами на глазах военные стихи Друниной. Из её строк можно с фотографической точностью узнать, какая мера напряжения, страдания и ужаса выпала в юности на долю наших матерей, которых теперь уже почти и не осталось в живых, а тогда, в общем-то, ещё совсем дети, какой страшной беде заглянули они в глаза:

Целовались.
Плакали
И пели.
Шли в штыки.
И прямо на бегу
Девочка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.

Мама!
Мама!
Я дошла до цели...
Но в степи, на волжском берегу,
Девочка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.
«Целовались. Плакали и пели...»
1944 г.

Как немногословны эти стихи, как они, казалось бы, внешне просты и сдержанны, но за каждым из слов здесь приоткрывается окно в огромный эпос XX века, эпос, в котором упавшая на снег маленькая убитая девочка «в заштопанной шинели» и другая, то ли запричитавшая по-детски, то ли вскрикнувшая в отчаянии, дважды повторив спасительное: «Мама! Мама! Я дошла до цели...», — обе они не менее трагичны и значительны, чем герои гомеровской «Илиады». Во всяком случае, сцена, описанная Друниной, не уступает в величии и трагической силе горю Ахиллеса, когда тот оплакивает гибель в бою своего друга Приама... И как прекрасна, как естественна эта вроде бы ничего страшного не предвещающая интонация первых строк: «Целовались. Плакали и пели...» И рядом, на

стыке, на грани сознания и безумия, всего два слова, от которых холодеет в жилах кровь: «Шли в штyki». Ещё страшнее, что это вывела на бумаге женская рука. Так опыт испытания человеческого духа в двадцатом столетии явно зашкаливает за все мыслимые и немыслимые пределы страданий предыдущих веков.

А достоверность этих стихов ещё и в том, что Юлия Друнина была награждена ни много ни мало орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Фронтовики знают, каков вес этих двух наград на войне, не каждый мужчина удостоивался такого признания ратных заслуг. И лишь после второго ранения, в конце 1944 года, Друнину окончательно демобилизовали. Хотя демобилизованной из солдатской юности, из «роковых, со-роковых» она никогда себя не считала. Как невозможно уйти в запас из личной судьбы:

Я порою себя ощущаю связанной

Между теми, кто жив

И кто отнят войной...

...Я — связанная.

Бреду в партизанском лесу,

От живых

Донесенье погибшим несущу:

«Нет, ничто не забыто,

Нет, никто не забыт,

Даже тот,

Кто в безвестной могиле лежит.

«Я порою себя ощущаю связанной...»

Друнина действительно не голословно олицетворяла собой эту связь. При ней никто не осмеливался безнаказанно бросить тень на священную память о прошлом. Всякая подобная попытка пресекалась ею яростно и мгновенно. Так было, к примеру, когда в начале 80-х годов поэт Юрий Кузнецов в одном из своих публичных выступлений поставил под сомнение значимость для нашей литературы фронтовой поэзии. Видели бы вы тогда Юлию Владимировну!.. Она выступала в Союзе писателей, со всех трибун, опубликовала несколько статей в газетах, и даже по прошествии времени я видел, как всё кипело в ней при упоминании этой темы. И что абсолютно в её характере — она защищала не себя, не корпоративные интересы, не литературные амбиции. Она восстала против кощунственной несправедливости по отношению к тем, кто не только сказал свое замечательное слово в военной лирике, но и с оружием защищал Отечество, кто погиб или позже умер не от старости, а, как написал поэт, «от старых ран». Она заслонила собой тех, кто сам не мог защитить себя, — прекрасную поэзию Николая Майорова, Алексея Лебедева, Павла Шубина, Алексея Недогонова, Семёна Гудзенко, Алексея Фатьянова... Но разве могло быть иначе в судьбе Юлии Друниной, которая в своих стихах давно уже определила для себя кодекс человеческой чести:

*...Многу дров наломано немало,
Но одной вины не признаю:*

*Никогда друзей не предавала —
Научилась верности в бою.*

«Мне близки армейские законы...»

Когда в прессе и обществе начались шумные и агрессивные в своей озлобленности, словно кем-то изощрённо спланированные, нападки на нашу армию, Юлия Друнина вновь оказалась «связанной» между теми, «кто жив» и «кто отнят войной», но уже действительно едва ли не в боевых, приближенных к фронтовым, условиях. Совершенно не приспособленная к высиживаниям в президиумах и начальственных кабинетах, она решила-таки пойти в народные депутаты СССР (и народ ей сразу же оказал своими многочисленными головами поддержку, веря в искренность её не декларативных намерений!), а затем стала и членом Верховного Совета, чтобы уже государственным авторитетом остановить разрушение и уничтожение Вооружённых Сил, тех самых, которым ею было посвящено столько стихотворений, пронзительных как слова солдатской присяги:

Я люблю тебя, Армия —

Юность моя!

Мы — солдаты запаса,

Твои сыновья.

Позабуду ли, как

В сорок первом году

Приколола ты мне

На пилотку звезду?

Я на верность тебе

Присягала в строю,

Я на верность тебе

Присягала в бою...

«Я люблю тебя, Армия...»

Увы, теперь её романтизм натолкнулся и вскоре разбился о далеко просчитанный циничный напор внутреннего предательства. Что стало для неё самой большой драмой, быть может, за всю её жизнь. Это период тяжелейших переживаний и сомнений. Когда она поняла, что «и со мной, словно с мышью, играла эпоха». Болея душой за армию, она не могла не видеть и обюрокрачивания, саморазложения армейских структур. В горьких стихах о ребятах, воевавших в Афганистане, а затем брошенных на произвол судьбы со своими ранениями и психологическими травмами, Друнина говорила с ними, как фронтовик с фронтовиками. Она встала рядом с ними, рядом с их обидами и горечью:

«Там было легче!»

Как ни странно,

Я понимаю

Тех ребят,

Кто, возвратившись из Афгана,

«Там было легче», — говорят...

«Там было легче!» Как ни странно...»

Ей противно и бесчестие —

...этих сытых военкомов,

Что оскорбить посмели вас...

Боль в сердце.

В горле ярость комом.

И не поднять

Тяжёлых глаз...

Но, перешагнув через горечь обиды, теперь уже обращаясь, как к своим сыновьям от имени старшего поколения, Юлия Друнина поднимает молодых парней над временным, преходящим, напоминая им о подлинном достоинстве, над которым не властны нынешние временщики:

...Но не теряйте гордость, дети.

В житейской темноте всегда

Пусть до старости вам светит

Солдатской верности звезда.

Друнина первая во всеуслышание назвала позорное имя ещё одной беды, также связанной с отношением к армии, вернее, к её недавней гордости и славе:

Ветераны в подземных

Дрожат переходах.

Рядом — старый костыль

И стыдливая кепка.

Им страна подарила

«Заслуженный отдых»,

А себя пригвоздила

К Бесчестию крепко...

«Заслуженный отдых»

Для неё это оказалось страшным шоком, крушением целого мироздания, под обломками которого оказались погребёнными идеалы всего её поколения (чего не смогли сделать даже фашисты!):

...Кепка с медью —

Осиновый кол на могиле,

Над могилою юности нашей

Распятый...

В это же время Друнина напишет ещё одно безмерно горькое стихотворение о стариках — «В благотворительной столовой». Невозможно забыть эту картину, описывающую «щедлость» властей к нищим старикам:

...Слезинки падают

В тарелку супа,

И ложку поднесёшь ко рту

Не вдруг.

Сегодня мы

Голодными не ляжем.

Похоже, что и завтра...

Дай-то Бог!

Для памяти

Об этом дне завяжем

На штопаном платочке узелок.

Все мы, знавшие её лично, видели в ней сильную, всё ещё красивую элегантную

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66